

— О чём задумался? Уже темнеет, ленишься не то что готовить, даже вернуться поесть не догадываешься, заставляешь людей волноваться. — Юань Чжишань, возвращаясь с горы с корзиной за спиной, увидел, как Цзиньюй предаётся лени.

Юй-эр обернулся, увидел приёмного отца и тотчас подбежал, ухватил его за руку, приник головой к отцовскому плечу, ласкаясь:

— Папочка, дитяtko просто размышляло, как уговорить отца позволить мне остаться на горе Куньлунь и быть с тобой.

Сие обращение растрогало Юань Чжишаня до глубины души, устоять было невозможно.

— Глупое дитя, стоит лишь тебе не возвращаться — кто посмеет взойти на гору Куньлунь, дабы схватить тебя? Если Правитель Юэ посмеет прислать людей, дабы забрать тебя, мы с матушкой прогоним их прочь с горы. Дурачок, ступай скорее ужинать!

Юй-эр улыбнулся с облегчением и, взяв отца под руку, направился к жилищу на горном склоне.

— Тебе уже тринадцать, не будь как прилипчивая мазь, что липнет к отцу и ластится! Поучись у старшего брата, он и самостоятелен, и совершенен в гражданских и военных искусствах, побольше обращайся к нему за советами. — Приёмный отец, шагая, не умолкал.

— Знаю, папа, ты такой болтливый, вот мама и гонит тебя травы собирать!

Несколько дней подряд Юань Чжишань видел, что они оба не разговаривают и не резвятся, в доме стало непривычно тихо. Порой Цзиньюй заговаривал с Юйтаном первым, но тот отвечал лишь на вопрос, и затем наступало молчание. Исчезла прежняя оживлённая и гармоничная атмосфера.

Возможно, виной тому была зима, сменившая осень. Сумерки, казалось, спускались особенно рано, и вся гора Куньлунь была залита багрянцем заката. Юйтан был занят на кухне, готовя ужин, а Цзиньюй, прислонившись к притолоке, наблюдал за ним:

— Помогу тебе мясо нарезать.

— Не надо.

— Помогу дров подбросить.

— Я и сам справлюсь, выйди вон. — Холодный и отстранённый тон Юйтана заставил Цзиньюй почувствовать себя весьма не по себе.

За вечерней трапезой Чжао Юйтан подкладывал кушанья лишь Юань Чжишаню и его супруге.

Приёмный отец взглянул на Юйтана, затем на потупленного Цзинъюя — похоже, меж ними пробежала чёрная кошка.

После трапезы Цзинъюй убрал посуду и отправился мыть её на кухню, а Юань Чжишань задержал Юйтана для беседы.

— Юйтан, отчего ныне вечером ты столь холоден с младшим братом-учеником? Поссорились?

— Нет. — Чжао Юйтан избегал взора наставника.

— Не может быть, я вырастил вас, вы никогда прежде столь ледяны не были, кого обманываешь? — Юань Чжишань, как миротворец, с глубоким чувством произнёс:

— Цзинъюй ещё юн, ты старший брат, уступи ему. Меж собратьями по учению должна царить гармония.

— Я... — Юйтан выглядел смущённым и встревоженным, речь его спотыкалась.

— Что «я»? Он эти дни первым заговаривает с тобой, а ты отстраняешь его за тысячу ли. Неужто желаешь насмерть разгневать наставника и наставницу?

Юйтан, почуяв, что дело зашло далеко и скрывать более нечего, опустился на колени:

— Наставник, я люблю младшего брата-ученика, жажду быть с ним вместе...

— Что ты говоришь? — Юань Чжишань был потрясён, едва не уронив чашку из рук.

— Я желаю сочетаться с ним браком, увы, младший брат не желает выходить за меня, я уважаю его выбор.

— Невозможно, Юйтан, что за бред ты несёшь? — Наставник заволновался, дыхание его спуталось.

Юйтан, опустив голову, сдавленно произнёс:

— Наставник, мне так больно, я чувствую, что не могу более жить.

— Коль Цзинъюй отказал, оставь сию надежду! Выслушай меня, отсеки сию мысль. С малых лет я учил вас, что лишь сочетание инь и ян позволяет всему живому плодиться и множиться.

— Юань Чжишань наклонился, дабы поднять Юйтана.

— Я желаю держаться от него в отдалении, иначе погружусь ещё глубже и не смогу вырваться.

— Чжао Юйтан говорил всё печальней, глаза его покраснели, взор замутился, горячие слёзы капнули вниз. Юйтан опустил голову и утёрся рукавом.

Юань Чжишань, видя, как Юйтан плачет и причитать из-за мужчины, столь немощен и бесполезен, так и подмывало дать ему пощёчину. Но в то же время сердце его не выдерживало:

— Ты — первый ученик, коего я принял. Я более всего на тебя уповал. Неужто желаешь остаться без наследников?

Хотя Школа Куньлунь принадлежала к даосской традиции и теории боевых искусств её зиждильсь на успокоении сердца и умерении желаний, главным образом на самосовершенствовании, в школе имелись как ученики, так и ученицы, и никогда не возбранялось ученикам пить вино, есть мясо и вступать в брак. Однако, дабы взойти на высший путь и унаследовать пост главы Школы Куньлунь, надлежало отречься от вина, мяса и плотских утех, не сочетаться браком и не рожать детей.

Однако большая часть учеников восходила в гору, дабы припасть к наставнику и обрести искусство, а через несколько лет нисходила с горы, дабы свершить дело. Потому глава школы не передавал таким ученикам тайные техники и манускрипты.

Юань Чжишань в своё время обрёл истинную передачу от патриарха-основателя и изначально должен был унаследовать пост главы. Но позднее, дабы взять в жёны супругу, он отказался от сего поста, а поскольку с детства жил в Школе Куньлунь, идти ему было некуда. Патриарх-основатель позволил ему переселиться с женой в задние горы Школы Куньлунь, принимать учеников и передавать знания, ведя жизнь отшельника.

Позднее Правитель Цзинь, разузнав, что Юань Чжишань изначально и был великим мастером боевых искусств и врачевания Школы Куньлунь, превосходящим в сём даже его старшего брата-главу школы, отправил своего законного сына Юйтана припасть к нему в ученики и обучиться искусству. Правитель Цзинь весьма ценил Юйтана, надеясь, что тот, завершив учение, вернётся и станет наследным принцем. Потому Юань Чжишань не мог усыновить Юйтана.

Юйтан вступил в школу в шесть лет. Был крепок телом и силён, жив и подвижен, способности к адаптации высоки, боевым искусствам обучался быстро, характер стойкий, и никогда не было о нём забот. Потому Юань Чжишань был к Юйтану особенно строг, выкладывал всё без утайки, желая именно ему передать свою чашу и развить вверенные ему боевые искусства.

Спустя два года после принятия Юйтана Государство Юэ также отправило своего трёхлетнего законного сына Цзыюй. Цзыюй был принцем, коего отверг Правитель Юэ, мать-государыня наказала лишь сохранить ему жизнь. Юань Чжишань поручил восьмилетнему Юйтану заботиться о Цзыюй, а позднее признал того приёмным сыном.

Юань Чжишань и его супруга, вскормив их обоих, столько лет живя с ними бок о бок, давно уже почитали их как родных сыновей. Хотя порой и благоволили более приёмному сыну Цзиньюю, не из-за его статуса приёмного сына. Просто он был на пять лет младше Юйтана,

отцовской любви от родного отца не ведал, в три года был брошен сюда, телом был хилым и болезненным, часто плакал и тревожился. В горах Куньлунь же особенно холодно, наставник с супругой боялись, что он не выкормится, потому особенно его жалели.

Изначальное имя Цзинъюя было Лин Цзыюй, но после того, как Юань Чжишань принял его в приёмные сыновья, дал ему новое имя — Юань Цзинъюй. Надеялся, что тот успокоится, не будет днём и ночью плакать и тревожиться. Другой смысл имени — дабы мог в покое и надеянии, в тишине возвращать сердце и добродетель.

Юань Чжишань полагал, что меж ними братская привязанность, потому до сей поры не замечал, что Юйтан свернул на ложный путь, и чувствовал великую вину:

— Я, как наставник, особенно баловал Цзинъюя, поручил тебе заботиться о нём, дабы ты научился нести ответственность, пестовал его как младшего кровного брата. Как же могло случиться, что у тебя зародились такие чувства! — Произнеся сие, Юань Чжишань ощутил смешение ста чувств: и сердечную боль, и разочарование, и самоосуждение.

Юйтан, видя, как пожилой наставник терзается от сердечной боли, вновь опустился на колени:

— Наставник, не печалься, ученик осознал свою ошибку, ученик постарается поскорее забыть сию неподобающую страсть, ученик найдёт добродетельную девицу, возьмёт её в жёны, произведёт на свет сыновей и дочерей. Дабы наставник с наставницей могли в покое прожить старость, а у вас были внуки-ученики, дарующие радость.

Юань Чжишань, услышав сие, в сердце своём внезапно обрёл облегчение. К счастью, ученик ещё не зашёл в чувствах слишком глубоко, дабы увязнуть по уши. Иначе сия противоестественная страсть попросту погубила бы взлелеянного его собственными руками доброго ученика.

Юань Чжишань, принимая учеников в задних горах, всё должен был начинать с нуля, вновь обустроивая дом, не то что его старший брат-глава школы, коий мог унаследовать обширное наследство, оставленное прежним наставником, имел множество учеников. Ныне же он сам состарился, и тем более не было сил вновь принимать новых учеников, тратя ещё более десяти лет времени и душевных сил на обучение с начала.

Если принять взрослого ученика, уже имеющего основы боевых искусств иной школы, и затем обучать его пять-шесть лет высшим техникам Куньлунь — не выйдет, ибо стили и пути боевых искусств разных школ различны, без заложенного фундамента боевых искусств Школы Куньлунь напрямую изучать средние и высшие техники Школы Куньлунь невозможно. Тем более, иные школы также не допустят подобного ренегатства.

Не станет внуков-учеников — разве не пресечётся тогда возвращённые им боевые искусства и врачевание?

— Юйтан, главный ученик-преемник Школы Куньлунь Ли Чэнхуэй и его сестрица несколько раз приходили сюда поиграть, помнишь ту девицу? Три года назад она также припала к наставнику Школы Куньлунь, то есть к моему старшему брату. Та девица прежде любила с

тобой играть. Твоя матушка-наставница весьма её полюбила, она в цинь, ци, шу, хуа [игра на цитре, игра в го, каллиграфия, живопись] во всех видах искусна. Мы все из Школы Куньлунь, если сможешь взять её в жёны, станем ещё ближе. Ты... — Наставнику, как мужчине, произносить такие слова было особенно трудно.

<http://bllate.org/book/15458/1367689>